1.
2.
3.
4. Васильев Б. Л.
5. А зори здесь тихие...
6 Тверь — Тверской театр юного зрителя
7. режиссёр: Антонов В.П.
художник: Антонов В.П.

105-106

ТЕАТР

БЕССМЕРТИЕ ПОДВИГА

Поначалу происходящее кажется веселой комедией. Действительно, смешно наблюдать за растерянностью кадрового служаки старшины Васкова, которому пришлось командовать оравой девчонок-зенитчиц. Но заключено в этом смехе нечто, что заставляет задуматься. Жизнь девчонок проста, трогательна естественностью. И вовсе не потому, что плохо знают устав. Просто война — состояние противоестественное, диссонирующее с нормальной жизнью. Эта мысль возникает снова, когда развивается действие. Когда уйдет маленький отряд из пяти девчонок под командой старшины Васкова в лес, чтобы обезвредить десант противника. И когда девчонки погибнут одна за другой.

Мысль об античеловечности войны заложена в подтексте повести Бориса Васильева и в спектакле «А зори здесь тихие», поставленном по ней в Калининском театре юного зрителя.

Задача перед постановочным коллективом стояла непростая.

Повесть Бориса Васильева получила сценическое рождение в Московском театре драмы и комедии на Таганке. С той поры пьеса стала одной из самых популярных на нашей сцене. Разными путями идут постановщики и театры. Есть спектакли-копии. Инсценировка, сделанная Ю. Любимовым и В. Глаголиным, — по сути дела, готовый режиссерский сценарий, где характер изобразительного решения во многом предопределен. Да и удивительной силы театральная условность любимовской постановки, которой уже так много страниц уделено в театральной критике, берет в плен.

Чрезвычайно трудно вслед за спектаклем, который уже получил жизнь в известном театре, ставить ту же пьесу (а вернее, режиссерский сценарий) и не попасть целиком под влияние образца.

На сцене Калининского ТЮЗа этого не случилось. У постановщика спектакля главного режиссера театра В. Антонова разработана своя, хотя и в рамках той же сценической условности, партитура. Условность — довольно сложная проблема в детском и юношеском театре. Каждый раз экспериментально приходится решать вопрос о том, какой должна быть мера условности, какой должна быть ее природа, чтобы фантазия юного зрителя, не обедняя, сохраняла всю полноту реалистических впечатлений.

Почувствовав гражданский пафос спектакля «А зори здесь тихие», проникаясь драматизмом событий, зритель Калининского ТЮЗа сам вносит коррективы в его образный строй. Приняв условный характер постановки, зритель указывает на неточность отдельных акцентов, неубедительность планировки того или иного эпизода, на происходящий порой спад ритма. Не очень изобретательно сделаны ходы через болото. Стоит поразмыслить над усовершенствованием эпизодов с фашистским десантом.

Несмотря на это, язык спектакля достаточно ярок и понятен. Маскировочная сетка, затягивающая сцену, несколько деревьев — вот и все, что использует постановщик. Кстати, в том случае он выступает и в роли художника спектакля (художник-конструктор Л. Аксентов). Оформление спектакля образно. А его скупость не мешает созданию нужной атмосферы и тихих летних зорь, и тревожной опасности.

Выделяясь из общей шумливой массы, проходят перед нами пять девчонок. Удалась артистке Н. Вербицкой всегда подтянутая и справедливая Рита Осянина, младший сержант. За ее внешним покоем скрыта душа чуткая, на все реагирующая остро, заинтересованно, скрыта большая моральная сила и чистота. Та же чистота живет во внешне разбитной, присланной в «здоровый коллектив» на исправление Жене Комельковой в исполнении артисток Я. Гребенюк и Н. Фено.

Обаятельна в своей простоте Лида Бричкина у артистки И. Ионовой. Сосредоточенна и серьезна Соня Гурвич в исполнении артистки Л. Адамчук. Свою трактовку, быть может, отличную от повести и инсценировки, предложила заслуженная артистка РСФСР О. Солодухина для роли Гали Четвертак. Ее Галя—неловкий, смешной заморыш, с большим добрым сердцем, раскрытым навстречу людям.

Постановщик и актрисы обнажают то, что запрятано за улыбчивой отвагой девчонок. Гибель мужа - пограничника, ночные походы «в самоволку», чтобы повидать маленького сынишку — в мыслях Риты Осяниной. Невыразимой болью отдаются в сердце протестующие рыдания Гали Четвертак, считающей, что нельзя, невозможно надеть сапог, только что снятый с ноги убитой подруги. А Соня Гурвич читает вслух стихи, когда ей особенно тяжело. В захваченном фашистами Минске остались ее родители. И девочка знает: их нет в живых — они «еврейской национальности».

Спектакль утверждает силу и красоту подвига обыкновенных девчонок, отдавших жизнь за Родину. Но рядом с мыслью о величии их незаметного подвига живет мысль о жестокости и античеловечности войны.

...Звучит в ушах отчаянный крик тонущей в трясине Лиды Бричкиной... Истерика Жени Комельковой, только что убившей фашиста. ...Тихая просьба умирающей Риты Осяниной, последние мысли которой о маленьком сыне. Так подспудно накапливается эмоциональный багаж для жгучей мысли, выраженной старшиной Васковым о том, что это же «будущие матеря». Кто дал право убивать их?

Конкретно высказывается о несоответствии, несовместимости войны и жизни старшина Васков. Сибирский таежный мужик с четырехклассным образованием, чувствующий себя неотесанным в обществе девчонок с семилеткой, а то и с десятилеткой за плечами, осмысливает противоестественность происходящего, античеловеческую сущность войны.

С серьезной отдачей и энтузиазмом играет роль Васкова артист Б. Леонов. С разворотом событий, когда Васкову некогда думать о себе, а исполнителю некогда посмотреть на своего героя критическим актерским оком со стороны, образ обретает органичность. Васков—Леонов становится простым, естественным. Захватывают, покоряют его доброта, отеческое отношение к девчонкам. Артист точно показывает трогательный душевный контакт, который налаживается у старшины со всеми бойцами его группы, контакт большой, человеческий.

Можно, помимо отмеченных выше, найти в спектакле и еще кое-какие недостатки и промахи. Есть сцены просто комедийные, иллюстративные, без точной смысловой привязки. Есть шероховатость в некоторых переходах от эпизода к эпизоду. Можно заметить, например, слишком уж мальчишеский вид майора (артист Н. Щербаков).

Но все же нужно сказать: спектакль получился. В мужественной тональности, с гражданской страстью он говорит с юными зрителями всерьез о жизни, о подвиге, о смерти, о бессмертии.

Н. ФЛОРОВА.

Калининская правда
г. Калинин
8 МАЙ 1972